
Всё так хрупко, так стремительно и легко.
Мир ускорился, сердце замерло, пропустило
Невесомый удар. Стрела ушла в молоко.
Ничего непоправимого не случилось.

Как колыхнется листик на глади речной воды,
Так колеблется мир - мы река, мы ручьи и ливни.
Обними меня, друг мой, пока ещё молоды,
И пока не проснулись кем-то совсем другими.

Сколько нам остается? Неведомо - не беда.
Утекают сквозь память черты, истончаясь светом.
Кем проснемся мы завтра, год спустя, никогда?
Что я вспомню спустя п прожитых лет об этом?

Как бы мы ни цеплялись за выстраданный покой,
Всё отжившее, все отжившие нас покинут.
Я запомню и их, и тебя, и себя такой.
Я запомню нас всех такими.

Посвящается Р.Р., и А., и С.К., и М., с которых всё когда-то началось, и Нейре

Когда расходятся дороги -
непросто это и невесело,
Когда расходятся дороги -
жива надежда, что еще
За поворотом - скоро-скоро,
за поворотом снова встретимся,
И будет больно, честно, горестно,
и станет сердцу горячо.

Когда расходятся дороги,
вперед смотреть немного боязно
Ещё не знаешь ожидающих,
пока не встреченных тобой.
Но позади - большое поле,
оно уже тобою пройдено,
И всё что ищешь, обернувшись -
травой укрыто луговой.

И даже если не хотелось,
в пути меняться нам доводится -

Шлифует камень струйка водная
и точит твердую руду...
И всё же, рано или поздно,
но иногда дороги сходятся.
Я ухожу, но верить хочется,
что я к тебе еще приду.

Ты жди меня. Не бойся спрашивать,
вернусь ли я когда из странствия.
Пускай сейчас полынь и таволга
на наших тропах прорастут.
Узнай меня, иного, старшего...
Могу ли навсегда оставить я
То место, где меня по-прежнему
забытым именем зовут?

Как повеет теплом живым после долгих ливней,
Старики смотрят вдаль, и что-то своё там видят,
Что-то непостижимо, давно-далеко лежащее.
Неподвижны они - морщинисты, настоящи.

И из глаз их, еще живых, но уже бездонных,
Неизменность неизмеримая к нам выходит.
Грубоваты их лица, беззнаковой нет ни пяди.
Солнце греет их спины, лучами морщины гладит,
А они сидят - будто идола, нерушимы.

Только рядом внучек маленький копошится.
И рука опускается - медленно, осторожно -
Приласкать, не пугая, коснуться, не потревожа -
И тихонечко гладит, как будто бы дунь - исчезнет.
И сдвигается что-то в глазах, в глубине и бездне.

И тогда вспоминают - есть мир, и они - живые.
Не гранитны ещё, неотжившие, ненапрасные.
А малыш смотрит в мир, и глаза его просто ясные,
Восторжённые,
отражающие,
голубые

Шагающим строем, текущим змеей под знаменем.
Уходите вы - с мушкетами ли, с мечами ли.
Бегом, с автоматом, на духов на черных, горных.
Ох, как же вас много уходит, ох, как же много.

Вы там, где нейтральные зоны с огнем граничили.
Вас шлемы укрыли, мундиры вас обезличили.
Но нет безымянных, безвестных совсем меж ними.
Обязанность женская - каждого знать по имени.

Как я - о тебе, так вместе - о каждом каждая.
В лесу из винтовок, из формы хлопчатобумажной,
Средь сотен солдат, бредущих по черной жиже.
Я вижу тебя. Тебя одного я вижу.

Но взгляд мой не щит, не пластины бронежилетные.
Как странно глазам видеть смерти в начале лета...
И падают. Форма, как лица их, восковая.
И травы сквозь них пробиваются, прорастают.

Вставай! - я зову, и верю, что так и станется.
Вставай - говорю, - Ведь тебе еще жить, и стариться!
Вставай! Будто выстрелы здесь ничего не значат.

Ты руки раскинул
и падаешь
в одуванчики